

На правах рукописи

СЕМЕНОВА Наталия Леонидовна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ВОЕННОГО
И ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРСТВА
В УПРАВЛЕНИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Оренбург 2021

Работа выполнена на кафедре истории России
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

- Научный консультант** **Любичанковский Сергей Валентинович**, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», кафедра истории России, заведующий кафедрой
- Официальные оппоненты:** **Ефимова Виктория Викторовна**, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», кафедра теории права и гражданско-правовых дисциплин, доцент
Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», кафедра рекламы и связей с общественностью, заведующий кафедрой
Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», дирекция изучения истории, заместитель директора, кафедра истории России, профессор
- Ведущая организация:** **ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева»**

Защита состоится 17 декабря 2021 г. в 10.00 на заседании объединенного совета 99.2.063.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» по адресу: 460014, Оренбург, ул. Советская, 19, ауд. 333.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» и на официальном сайте университета по адресу: <https://ospu.ru/assets/resources/users/nauka/disser.-semenova-n.l..pdf>.

Текст автореферата и объявление о защите размещены на сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации www.vak.ed.gov.ru 10 сентября 2021 г.

Автореферат разослан _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

 Е. В. Годова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Институт губернаторства на протяжении последних тридцати лет остается ключевым элементом российской государственности. Совершенствование государственного аппарата сегодня связано с установлением соответствия объема выполняемых губернаторами полномочий возможностям их качественного исполнения, разработкой эффективных механизмов межведомственного взаимодействия и кадрового отбора, организацией результативного административного контроля, определением влияния личностей отдельных управленцев и бюрократического аппарата в целом на технологии власти.

Решение указанных задач невозможно без анализа исторического опыта функционирования института губернаторской власти в Российской империи, изучения принципов взаимоотношений «центр — регион», механизмов управления поликонфессиональными и многоэтническими территориями в условиях довольно стабильного и устойчивого развития государства. Такой подход заставляет выделить и исследовать отдельные модели регионального управления.

Значительный интерес в этом отношении представляет Оренбургская губерния, которая в конце XVIII — первой половине XIX в. являлась обширной территорией, отдельным макрорегионом на юго-восточной окраине Российской империи. С одной стороны, она была глубоко интегрирована в происходившие в стране социальные, экономические, культурные процессы, а с другой — сохраняла существенные особенности, связанные с пограничным положением, пестрым этноконфессиональным составом населения, сложной религиозной ситуацией. Эта специфика нашла отражение в региональной модели управления Оренбургской губернией, которая предполагала совместное функционирование и взаимодействие институтов военного и гражданского губернаторства.

Научная актуальность проблемы исследования определяется возможностью использования тех междисциплинарных подходов, которые рассматривают прошлое как процесс институционального развития, в том числе и института губернаторства. Исследование генезиса института губернаторской власти с учетом ее региональной специфики помогает глубже объяснить как кризисы и проблемы, так и достижения региональной власти в современной России. Выявление ключевых параметров оренбургской региональной модели совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторства позволяет понять действовавшие в исследуемый период критерии эффективности местного управления и внутренние тенденции развития этой системы в поликультурном окраинном фронтальном макрорегионе, являвшемся для империи «полигоном реформ».

Актуальность изучения местного управления Оренбургской губернии определяется тем, что после распада СССР Оренбургская область вновь перешла в разряд пограничных территорий, имеющих довольно протяженную внешнюю границу, что поставило перед руководством региона новые задачи, связанные с

участием в переговорном процессе с Казахстаном. Их решение требует продолжения исследований «географии власти», опыта деятельности руководителей оренбургской губернской администрации на разных этапах развития во всех сферах, механизмов взаимодействия с центральной властью.

До настоящего времени ученые рассматривали отдельные аспекты истории государственного управления Оренбургской губернии, биографии, социокультурный облик должностных лиц, деятельность конкретных учреждений в разные периоды. Проблема совместного функционирования и взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в местном управлении Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. не ставилась. Однако именно ее анализ существенно дополнит общероссийскую картину государственного управления российскими окраинами в разные исторические периоды, создаст основу для последующего компаративистского анализа других макрорегионов империи по предлагаемым в диссертации исследовательским алгоритмам.

Объектом исследования является государственное управление на региональном уровне Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в.

Предметом исследования служит процесс взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в управлении Оренбургской губернией.

Территориальные рамки исследования включают Оренбургскую губернию, которая являлась не просто одной из административно-территориальных единиц Российской империи, а специфическим макрорегионом на юго-восточной окраине государства, обширным краем, где располагаются современные Башкирия, Оренбургская, Челябинская, Самарская области, Актюбинский и Западно-Казахстанский акиматы Казахстана, а также отдельные территории, прилегающие к вышеперечисленным регионам. В территориальных границах конца XVIII — первой половины XIX в. Оренбургская губерния претерпела некоторые изменения. В 1796 г. в ее состав входили 10 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бузулукский.

По указу от 24 апреля 1802 г. в Оренбургской губернии статус уездных центров получили города Бугуруслан и Белебей, губерния стала включать 12 уездов¹. В таком составе она просуществовала до 1850 г., когда была создана Самарская губерния. В состав вновь учреждаемой губернии вошли 3 уезда Оренбургской губернии (Бугульминский, Бузулукский и Бугурусланский), 2 заволжских уезда Симбирской губернии и 2 заволжских уезда Саратовской губернии².

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 27. № 20245. С. 124.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (ПСЗ II). СПб., 1867. Т. 40. Часть 1. № 42058.

Хронологические рамки исследования включают период с 1796 по 1851 г. Нижняя хронологическая граница определяется образованием Оренбургской губернии вместо Уфимского наместничества в соответствии с административно-территориальными преобразованиями императора Павла I.

Верхняя хронологическая граница определяется реформами середины XIX в. — указами от 6 декабря 1850 г. об образовании Самарской губернии и от 20 марта 1851 г. о создании Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства во главе с генерал-губернатором¹. Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство было создано с целью укрепления вертикали власти и, в отличие от военного губернаторства, включало две губернии во главе с гражданскими губернаторами, Зауральскую (Малую) Орду, Внутреннюю Буковскую Орду, территории трех казачьих войск — Оренбургского, Башкиро-мещеряжского, Уральского. В 1853 г. была утверждена «Общая инструкция генерал-губернаторам», которая определила юридическую основу их деятельности². Образование Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства, правовое закрепление должности генерал-губернатора свидетельствовали о создании новой генерал-губернаторской модели управления краем.

Выделенные хронологические рамки с конца XVIII до середины XIX в. позволяют проанализировать региональную специфику функционирования особой модели административно-территориального управления — Оренбургского военного губернаторства — с момента его возникновения до трансформации в Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство.

Целью исследования является анализ основных форм и способов взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в административной практике Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- использовать различные концептуальные подходы для анализа проблем взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в Оренбургской губернии;

- изучить Оренбургскую губернию как объект управления в Российской империи, выделить факторы, обусловившие формирование здесь особой модели регионального управления;

- определить правовой статус, структуру, функции военных губернаторов, их проектную деятельность; роль канцелярии и чиновников особых поручений в структуре института главного начальника губернии;

- показать особенности правового положения, состав института оренбургского гражданского губернаторства в региональной модели управления;

¹ ПСЗ II. СПб., 1867. Т. 40. Ч. 1. № 42058.

² ПСЗ II. СПб., 1853. Т. 28. Ч. 1. № 27293.

- исследовать организационно-правовые основы работы Оренбургского губернского правления как составной части института гражданского губернаторства;

- изучить основные направления деятельности Оренбургского губернского правления в условиях совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторства;

- охарактеризовать особенности правового положения вице-губернаторов в структуре института оренбургского гражданского губернаторства;

- проанализировать социокультурный состав высшей администрации Оренбургской губернии: военных, гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских прокуроров;

- выделить уровни административно-судебного контроля, раскрыть роль сенаторских ревизий Оренбургской губернии в надзоре за местным управлением;

- оценить всеподданнейшие отчеты и обозрения губернии как способы контроля верховной и местной власти за местным управлением, как формы взаимодействия военного и гражданского губернаторов;

- проследить взаимодействие военных и гражданских губернаторов в реализации судебных функций;

- выяснить особенности надзорной деятельности оренбургских губернских прокуроров в условиях совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторства.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили теории институционализма (Т. Веблен, Г. Спенсер), неоинституционализма (Д. Норт), системный подход и структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, Н. П. Ерошкин, С. В. Любичанковский), регионально-управленческий подход (А. В. Ремнев), а также отдельные достижения социальной истории (Б. Н. Миронов) и антропологии губернаторской власти (А. Н. Бикташева).

Методология и методы исследования обусловлены целью и задачами работы. Основные подходы исторической науки были дополнены междисциплинарными из области социологии, результатами социально-гуманитарных исследований, рассматривающих вопросы функционирования власти.

Методология исследования основана на принципах институционального и неоинституционального подходов. В их основе лежит рассмотрение прошлого через призму развития институтов, с учетом не только «правил поведения», но и всей «предшествующей траектории развития». Социокультурный подход важен для изучения качественных характеристик государственного аппарата. Предметное поле данного исследования связано с анализом институтов управления в конкретной губернии, что обусловило возможность применения регионально-управленческого подхода. В исторических исследованиях при использовании

системного подхода реализуется структурно-функциональный метод, который позволяет понять принципы устройства и функционирования системы¹.

Основу исследования составили принципы научности, историзма, объективности. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, просопографический методы исследования. *Историко-генетический метод* позволил проследить, как происходило оформление и развитие институтов военного и гражданского губернаторства. *Историко-сравнительный метод* дал возможность сопоставить социокультурный состав должностных лиц высшей администрации Оренбургской губернии, соотнести с общероссийскими показателями, сравнить структуру институтов военного и гражданского губернаторства, их функции по гражданскому управлению, в судебной сфере, в области контрольно-надзорной деятельности за системой местного управления. *Историко-типологический метод* способствовал уточнению статуса Оренбургской губернии в имперском пространстве, выделению уровней административного контроля за системой местного управления. Использование *просопографического метода* помогло изучить высших губернских чиновников Оренбургского края как особый тип российского чиновничества.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ историографии проблемы представлен в первой главе диссертации. С учетом цели, задач, основной проблемы нашего исследования главное внимание при обзоре историографии уделено работам, которые, во-первых, рассматривают административную политику Российской империи и институты генерал-губернаторства, военного и гражданского губернаторства в целом; во-вторых, анализируют региональные модели функционирования губернаторской власти; в-третьих, исследуют социокультурный состав высших губернских чиновников. Такой многоаспектный подход к историографическому анализу позволил рассмотреть проблему нашего исследования комплексно.

Источниковая база. Характеристика источников дана в первой главе диссертации. Источниковую базу исследования составили архивные и опубликованные документы. Среди неопубликованных источников — материалы, отложившиеся в 37 фондах семи архивохранилищ: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Национального архива Республики Башкортостан (НАРБ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Основным критерием при отборе источников являлось стремление использовать максимально широкий круг документов разных видов с целью изучения реальной административной практики конкретной губернии.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 185—187.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые предметом изучения стал процесс взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства (на материалах особого макрорегиона — Оренбургской губернии), анализ которого существенно расширяет представления современной науки о вариативности имперских административных практик и региональных управленческих моделей.

Впервые проведен анализ структуры, функций, состава институтов военного и гражданского губернаторства, условия, способы, формы и «поля» их взаимодействия. Изучены проекты оренбургских военных губернаторов по преобразованию губернского управления, что позволило существенно уточнить планы реформирования государственного управления Российской империи в первой половине XIX в.

Введен в научный оборот значительный круг формулярных списков гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских прокуроров, что позволило сделать новые выводы о кадровом потенциале высшей региональной администрации. Впервые использованы делопроизводственные документы, исходящие из канцелярий военного и гражданского губернаторов, губернского правления, раскрывающие и уточняющие их место в формальной и неформальной иерархии местного управления. На основании изучения впервые вводимых в научный оборот документов сенатского делопроизводства, а также «обозрений» Оренбургской губернии принципиально расширены представления о формах взаимодействия основных институтов местного управления в Российской империи дореформенного периода.

Впервые в историографии реконструирована система взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в дореформенной России, отражающая региональную специфику империи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование основных форм и способов взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства в административной практике Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. осуществлялось на основе нескольких концептуальных подходов. Системный подход помог рассмотреть местное управление Оренбургской губернии как открытую систему взаимодействия между институтами, которая характеризовалась целостностью, структурностью, иерархичностью, устойчивостью, функциональностью, самоорганизацией и изменчивостью. Регионально-управленческий подход и концепт «география власти» показали, что административно-территориальное деление Российской империи не всегда совпадало с географическими границами, а статус — «внутренняя губерния» — имел свои особенности применительно к разным окраинам государства, в том числе к Оренбургской губернии. Институциональный и неинституциональный подходы позволили поставить в центр исследования институты военного и гражданского губернаторства, каждый из которых представлял собой своеобразный способ организации субъектно-объектных отношений. Социокультурный анализ помог составить представле-

ние о чиновниках высшей администрации Оренбургской губернии на основе таких критериев, как происхождение, родственные связи, сословная принадлежность, чин, уровень образования, возрастной и имущественный ценз, управленческий опыт, роль протекции при назначениях.

2. Региональная политика правительства в отношении Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. последовательно решала задачу интеграции региона в общероссийское административное пространство, учитывая при этом специфику края. Это привело к созданию особой модели управления, которая предполагала взаимодействие институтов военного и гражданского губернаторства. Главные факторы, повлиявшие на ее формирование, были связаны с положением губернии на границе с Казахской степью, наличием оборонительной линии, на которой несли службу регулярные силы и значительный контингент иррегулярных войск — Уральское, Оренбургское казачьи, Башкиро-мещеряжское и Ставропольское калмыцкое войска. В составе населения губернии преобладали крестьяне (государственные и помещичьи), военно-служилое население. Доля дворян (потомственных и личных) в рамках рассматриваемого периода составляла менее 1%.

3. При Павле I в Оренбургской губернии для решения военно-пограничных задач была учреждена должность военного губернатора, правовой статус которой не нашел закрепления в специальном законодательном акте, а компетенция определялась именными указами и ситуативно-институциональными решениями. В начале XIX в. за оренбургским военным губернатором было закреплено «заведывание» гражданскими делами в губернии. Александр I функционально уравнивал военных губернаторов с генерал-губернаторами, превратив в личных представителей императора, «оберегателей» закона, соединив в их руках «надзор с правом исправления». Военные губернаторы командовали войсками края, обеспечивали безопасность пограничной линии и караванной торговли, осуществляли политику этнопатернализма по отношению к коренному населению, руководили пограничными органами, оказывали существенное влияние на российскую внешнюю политику в центральноазиатских государствах. Верховная власть наделила оренбургских военных губернаторов правом административной инициативы, что нашло выражение в предложении проектов реформирования военной и гражданской частей губернии.

В 1820—1830-е гг. проектная деятельность проходила в общем русле поиска путей реформирования системы местного управления государства. Планы преобразований предусматривали разделение Оренбургской губернии на две; расширение полномочий и повышение статуса военного губернатора путем учреждения оренбургского и уфимского генерал-губернаторства. В 1840-е гг. на первый план были выдвинуты задачи трансформации разнородных сословий губернии, которые несли военные, натуральные, трудовые повинности, в единое податное. Реализация данных проектов оказалась невозможна из-за сопротивления ключевых министров (внутренних дел и финансов), выступавших против расширения полномочий военного губернатора, отсутствия в правительстве

единого представления о путях и методах дальнейшего реформирования Оренбургской губернии с учетом ее специфики.

Правительство демонстрировало заинтересованность в стабильном функционировании института военного губернаторства, что нашло отражение в расширении состава канцелярии, приспособлении ее структуры к исполнению функций по гражданской, пограничной частям и иррегулярным войскам, увеличении окладного жалованья служащих. Чиновники по особым поручениям входили в круг наиболее доверенных лиц военного губернатора, которым он делегировал отдельные полномочия по гражданскому управлению, отличались достаточно высоким уровнем образования, личными качествами. Многие из них становились впоследствии вице-губернаторами, губернаторами, что показывает реальную важность этой должности как кадрового трамплина.

4. Институт гражданского губернаторства функционировал на основе общероссийских законов и штатов, в соответствии с которыми Оренбургская губерния была отнесена к категории внутренних. Особенность состояла в том, что гражданский губернатор подчинялся военному, управляющему «гражданской частью», что определило способы и формы взаимодействия основных институтов управления губернии. Институт гражданского губернаторства приобрел административное значение, но деятельность начальника губернии осложнялась отсутствием разграничения функций по гражданскому управлению с военным губернатором, четких правил взаимодействия между учреждениями различных ведомств в местном управлении, сосредоточением слишком обширных функций в Министерстве внутренних дел. «Наказ гражданским губернаторам» 1837 г. законодательно оформил сложившееся положение, определив начальника губернии исполнителем, но принципиально не изменил ситуацию. Взаимодействие гражданских губернаторов с центральной властью осуществлялось через военных губернаторов.

Канцелярия гражданского губернатора представляла собой низовую структуру института власти начальника губернии, в которой сосредотачивались секретарские функции. По составу и числу служащих она была компактнее, чем канцелярия главного начальника губернии, отличалась более низкими окладами служащих. Чиновники по особым поручениям при гражданском губернаторе появились только во второй четверти XIX в., что свидетельствовало о незавершенности процесса институционализации института начальника губернии.

5. Административные функции оренбургский гражданский губернатор исполнял совместно с губернским правлением на основе коллегиального порядка рассмотрения и решения дел. Разработка организационно-правовых основ работы губернского правления проходила, с одной стороны, в направлении более четкого законодательного закрепления функций, унификации, дифференциации обязанностей служащих, усиления контроля за работой чиновников, приспособления к министерской системе. С другой — четко прослеживается стремление учитывать региональную специфику, поскольку гражданским губернаторам было разрешено самим определять предметы ведения отделений; проводить из-

менения в режиме диалога с региональной властью, активными участниками которого стали оренбургские военные губернаторы. Введение новых норм на практике приводило к росту объема делопроизводства; несмотря на постоянное увеличение числа чиновников, губернское правление не справлялось с решением значительного объема дел.

6. Деятельность губернского правления не позволяет рассматривать его как еще одну канцелярию гражданского губернатора. Оно занималось не только сбором информации, подготовкой дел, но также их коллегиальным решением. К середине XIX в. усилилась роль губернатора в принятии решений. Особенностью деятельности Оренбургского губернского правления являлось постоянное взаимодействие с военным губернатором при рассмотрении дел, касающихся башкир и мещеряков, которые по вопросам несения службы относились к военным властям, а по гражданским делам — к губернским. Исполнение полицейских функций в башкирских и мещеряцких кантонах предусматривало согласование всех действий с кантонными, юртовыми начальниками, командующим Башкиро-мещеряцким войском, оренбургским военным губернатором. Оренбургское губернское правление во главе с губернатором оставалось основным административным учреждением в губернии, через которое военный губернатор осуществлял свои полномочия по гражданскому управлению.

7. Особое положение в составе института оренбургского гражданского губернатора занимал вице-губернатор. Являясь «поручиком правителя» (губернатора), он возглавлял казенную палату, подчиняясь Министерству финансов, сохраняя определенную независимость в местном управлении. «Наказ» 1837 г. определил его старшим советником губернского правления и чиновником Министерства внутренних дел, а «Учреждение губернских правлений» 1845 г. прямо указало, что вице-губернатор — «непосредственный помощник» губернатора. Военный губернатор обеспечивал межведомственное взаимодействие: запуская механизм проверок казенной палаты, выступал инициатором изменения ее штатов, осуществлял меры по ускорению решения дел, в то время как полномочия гражданского губернатора ограничивались правом ревизии денежной казны. Наиболее активное взаимодействие происходило в рамках регулирования земельных отношений между башкирами и пришлым населением, а также переселенческого движения в Оренбургскую губернию.

8. Кадровый состав высшей администрации во многом определял качество функционирования региональной модели управления. Социокультурные характеристики высшей администрации Оренбургской губернии отражают специфику региона, статус должности, выполняемые функции, иерархию институтов местного управления. Военные губернаторы имели чины II—IV классов, получали назначения в возрасте 38—49 лет, половину из них составляла титулованная знать. Они отличались административной стабильностью и покидали должность в основном по объективным причинам, связанным со здоровьем. Оренбургские гражданские губернаторы имели чины III—V классов с тенденцией к понижению класса к концу периода. Это были люди, уже имевшие администра-

тивный опыт (93%), в возрасте от 38 до 55 лет. В первые десятилетия XIX в. была распространена практика частых перемещений гражданских губернаторов в другие регионы, карьерное движение происходило в основном по горизонтали. Оренбургские вице-губернаторы имели чины IV—VII классов. В первые десятилетия XIX в. они рекрутировались преимущественно из бывших военных, впоследствии — из учреждений Министерства финансов. Во второй трети XIX в. должность вице-губернатора становится стартовой площадкой для дальнейшей карьеры. Оренбургские губернские прокуроры находились в VI—VII классах. Большинство имело опыт гражданской службы, в том числе и в Оренбургской губернии. Возрастные рамки — от 22 до 58 лет.

В рассматриваемый период наблюдается переход от традиционных принципов формирования губернской администрации и представлений о региональной власти к рациональным. В первой четверти XIX в. преобладали бывшие военные, механизмы карьерного роста чиновников запускались благодаря их совместной военной службе с влиятельными военными и государственными деятелями, исполнению адъютантских функций при императоре. В последующий период возрастает число чиновников с высшим образованием, при назначениях учитываются управленческий опыт, профессиональные качества. Оренбургский военный губернатор оказывал серьезное влияние на кадровые назначения гражданских губернаторов (во второй четверти XIX в. четверо из шести были определены по его протекции), губернских прокуроров, в меньшей степени — вице-губернаторов. Увольнения происходили в основном по состоянию здоровья, в связи с новыми назначениями в другие губернии или центральные учреждения. Упущения по службе, конфликты составляли незначительную часть.

9. Сенаторские ревизии Оренбургской губернии в первой половине XIX в. проводились несколько раз: в 1800 г. — в ходе масштабной проверки всего государства, в 1842—1843 гг. — в результате доноса на гражданского губернатора, который показал, что во второй четверти XIX в. начальники губернии оказались под негласным надзором жандармских штаб-офицеров, которые могли инициировать начало ревизии. Проверка 1842—1843 гг. выявила массовые нарушения порядка делопроизводства и должностных обязанностей, злоупотребления, пристрастное рассмотрение дел. Тем не менее ход проверки показал, что верховная власть стремилась не только следовать принципам законности, но и сохранить авторитет губернаторской должности. Опыт проведения сенаторских проверок в Оренбургской губернии показывает, что военный губернатор, его канцелярия не становились их объектами. Ответственность за состояние местных учреждений, исполнение предписаний сенаторов и исправление недостатков возлагалась на гражданских губернаторов и губернское правление. Итоги сенаторских проверок следует признать довольно значимыми для Оренбургской губернии с точки зрения ее дальнейшего административного устройства и деятельности учреждений. Вместе с тем исправление замечаний затягивалось

надолго, а конкретные результаты выражались лишь во временном улучшении положения дел, системного укрепления законности не происходило.

10. Ежегодные всеподданнейшие губернаторские отчеты, возникшие в начале XIX в. как канал поступления узковедомственной информации, в 1830-е гг. превратились в способ административного контроля за деятельностью начальника губернии, форму взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства с центром. В соответствии со сложившейся вертикалью власти оренбургские гражданские губернаторы представляли свои отчеты военному губернатору, министру внутренних дел, императору; военные губернаторы, управляющие гражданской частью — императору, министру внутренних дел. Доклады главных начальников губернии по гражданскому управлению носили «надведомственный» характер, содержали комплексный взгляд на состояние губернии с четкой фиксацией ее специфики, программой изменений, оценкой деятельности гражданских губернаторов и вызывали особое внимание верховной власти. Отчеты гражданских губернаторов к середине XIX в. представляли собой в большей степени бюрократический ритуал. Процесс подготовки и представления отчетов предполагал взаимодействие военного и гражданского губернатора со всеми губернскими учреждениями.

«Обозрения» Оренбургской губернии как средство контроля за местным управлением предусматривали личное знакомство с работой учреждений, возможность оперативного исправления недостатков. На уровне губернии отчеты об обозрениях сосредотачивались у военного губернатора, на центральном — в Министерстве внутренних дел. Их копии передавались в губернское правление для исправления недостатков. С 1839 г. отчеты-обозрения губернии утрачивают самостоятельное значение и включаются в ежегодный губернаторский отчет.

11. Судебный надзор, который осуществляли военный и гражданский губернаторы, в первые десятилетия XIX в. осложнялся отсутствием четкого разграничения их полномочий. Во второй четверти XIX в. за гражданским губернатором было закреплено утверждение всех приговоров губернских судебных мест, а на рассмотрение военного губернатора представлялись дела только по его усмотрению. В основном они касались привилегированных сословий, коренного башкирского населения, по которым были вынесены наказания в виде смертной казни, лишения сословных прав, телесных наказаний. Окончательное решение таких дел передавалось Сенату. Несмотря на то что гражданский губернатор не всегда справлялся с большим объемом представляемых на его утверждение дел, сложившаяся практика была вполне оправданна, учитывая уровень образования служащих и общее состояние судебной системы.

12. В конце XVIII — первой половине XIX в. правительству не удалось обеспечить губернскому прокурору независимое положение в системе местного управления, необходимую законодательную базу деятельности, разграничение функций с судебным надзором военного и гражданского губернаторов. Зависимость оренбургских губернских прокуроров усиливалась невысоким статусом

должности, низким окладным жалованьем, возможностью военных губернаторов влиять на их кадровые назначения. Учитывая значительный объем дел, поступающих к губернскому прокурору, осуществление им функций по обеспечению исполнения закона всеми учреждениями происходило в большей степени формально.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена возможностью и целесообразностью использования его результатов. Выводы диссертации вносят вклад в развитие таких научных направлений, как история Российской империи, история российской государственности, социальная история. Опыт реализации российской политики выстраивания взаимодействия военной и гражданской властей в отношении геополитически важного фронтального региона может быть использован на современном этапе при формировании концепции и правовых механизмов регулирования местного управления в приграничных территориях. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по политической истории России, ее внутренней политике, истории окраин, истории местного управления. Они могут быть применены в учебном процессе, в преподавании отечественной истории, при разработке учебно-методических материалов для историко-государствоведческих и краеведческих курсов, а также по истории Российской империи и управленческой проблематике в целом. Важно подчеркнуть, что апробированный в диссертации алгоритм анализа применим для изучения других форм и моделей регионального управления, это один из важных практических результатов данного исследования в методологическом плане.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы нашли отражение в монографии и 78 статьях (23 опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских диссертаций, в том числе 6 в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science Core Collection). Научные исследования по теме диссертации были поддержаны грантами РГНФ: 2013 г. — региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура» — Республика Башкортостан, проект № 13-11-02011 «Проблемы государственного управления и местного самоуправления на Южном Урале в XVIII — начале XX в.»; 2014 г. — региональный конкурс «Урал: история, экономика, культура» — Республика Башкортостан, проект № 14-11-02007 «Административная политика российского правительства на Южном Урале в конце XVIII — XX в.». Были подготовлены 3 сборника научных трудов, на страницах которых опубликованы статьи ведущих отечественных специалистов в области изучения истории государственного управления¹.

¹ Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII — начале XX в.: региональный аспект : сб. науч. тр. / науч. ред. И. В. Маслова, отв. ред. Н. Л. Семенова. Стерлитамак, 2014; Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII—XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Э. Емалетдинова. Стерлитамак, 2014; Власть в российской провинции в

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедр истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, истории России Оренбургского государственного педагогического университета, представлялись в виде докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях.

Структура диссертации включает введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обоснованы актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, цель, задачи, методология, научная новизна и практическая значимость, отражена апробация работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Исследовательская программа и методы ее осуществления»** включает три параграфа.

Параграф 1.1 *«Концептуальные подходы к изучению проблемы»* содержит характеристику теоретических концепций, которые использовались в диссертационном исследовании.

Для реализации цели и задач исследования были задействованы принципы и методы *институционального* и *неоинституционального* подходов, которые позволили выделить ключевые институты местного управления Оренбургской губернии, рассмотреть их с точки зрения формальной и неформальной структуры, функций, роли в системе регионального управления, оценить уровень законодательного обеспечения их деятельности. Особую значимость имела попытка изучить «неформальные правила» функционирования институтов, учитывающие роль традиций, нормы поведения, которые влияли на их изменения, формировали особые административные практики, во многом определяя региональную специфику. *Социокультурный подход* дал возможность изучить высших чиновников губернии как должностных лиц, проанализировать их состав с учетом происхождения, родственных связей, сословной принадлежности, чина, уровня образования, возрастного и имущественного ценза, управленческого опыта, роли протекции при назначениях. *Регионально-управленческий подход* и концепт *«география власти»* показали, что административно-территориальное деление Российской империи не всегда совпадало с географическими границами, а статус — «внутренняя губерния» — имел свои особенности применительно к разным окраинам государства¹. Возможности данного подхода помогли со-

XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход : сб. науч. тр. / науч. ред. Н. Л. Семенова, Стерлитамак, 2015.

¹ Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измере-

средоточить внимание на изучении структуры имперского пространства через региональную идентичность Оренбургской губернии. Широкие возможности *системного подхода* помогли представить региональное управление Оренбургской губернией как единство взаимодействующих между собой институтов, которое было адаптивно и открыто к внешней среде.

Параграф 1.2 «*Степень изученности проблемы*» содержит обзор историографии темы. Комплекс исследований, использованных в работе, можно разделить на три этапа: дореволюционный (XIX в. — 1917 г.), советский (1917 г. — начало 1990-х гг.), современный (с начала 1990-х гг. по настоящее время).

В дореволюционной историографии выделяется несколько направлений исследований: история высших государственных учреждений (Н. В. Варадинов, С. М. Середонин), анализ полноты правового регулирования должностных лиц и учреждений местного управления и их эволюции (А. Лохвицкий, Н. В. Калачов, Е. Н. Анучин, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, И. М. Страховский и др.). Общей чертой большинства работ являлись критическое отношение к губернаторской должности, вывод о соединении функций надзора и управления (И. Е. Андреевский, С. А. Корф, И. А. Блинов).

На рубеже XIX—XX вв. исследователи обратили внимание на вариативность административной политики Российской империи (И. Е. Андреевский), сравнили власть губернаторов на окраинах и во внутренних губерниях (В. В. Ивановский), проанализировали «областное управление» (Ю. В. Готье). Были заложены основы изучения чиновничества как особой социальной и профессиональной группы (В. А. Евреинов, Е. П. Карнович), сенаторских ревизий как средства надзора (И. А. Блинов). Благодаря Оренбургской ученой архивной комиссии оформилось биографическое направление в региональной историографии¹. Дореволюционная историография заложила основы теоретического осмысления истории государственного управления в России на основе формально-юридического подхода. Вопросы практической деятельности учреждений и институтов регионального управления изучались фрагментарно.

В советской историографии до появления работ Н. П. Ерошкина институт губернаторства специально не изучался². Используя ведомственный подход,

нии (XIX — начало XX в.). М., 1997; Его же. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3—4; Его же. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX века. Омск, 2015.

¹ Юдин П. Л. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784—1798) // *Русский архив*. 1897. Кн. 4; Севастьянов С. Н. Биографическая заметка о графе П. П. Сухтеленe, оренбургском военном губернаторе // *Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург, 1902. Вып. 9; Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге // *Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург, 1913. Вып. 27. С. 11—37.

² Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Его же. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981; Его же. Местные государственные учреждения дореволюционной России (1800—1860 гг.): учеб. пособие. М., 1985.

автор пришел к выводу, что губернатор имел полномочия в отношении местных учреждений, подведомственных МВД. Принципиально новый метод изучения государственного аппарата на основе анализа формальных показателей послужных списков предложил П. А. Зайончковский¹. Это позволило исследователю составить социокультурный портрет высшей российской бюрократии накануне Крымской войны и в начале XX в., оценить ее влияние на качество управления.

В советской историографии было продолжено изучение российской государственности, реформ в правительственной политике, состава губернаторского корпуса в пореформенный период². Сделаны выводы относительно формирования бюрократии в XVIII в. из разных слоев населения (С. М. Троицкий, М. Ф. Румянцева). Началось изучение губернаторских отчетов, даны оценки их достоверности и полноты отражения в них административной жизни³. Несмотря на то что выводы историков находились в рамках теоретико-методологических принципов советской исторической школы, в научный оборот был введен обширнейший круг источников, предложены новые методики их анализа.

Современный этап развития историографии проблемы характеризуется использованием концептуальных подходов зарубежных ученых, серьезным обновлением предметного поля исследований, разработкой новых методологических основ анализа истории местного управления, появлением междисциплинарных работ.

В новейших исследованиях реализуются институциональный (М. М. Шумилов, О. В. Морякова), регионально-управленческий (А. В. Ремнев, Н. П. Матханова), структурно-функциональный (С. В. Любичанковский), социокультурный (Л. М. Лысенко), антропологический (А. Н. Бикташева) подходы⁴.

¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

² Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) // Исторические записки. М., 1982. Т. 107; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

³ Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX. С. 15—55; Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.

⁴ Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Морякова О. В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998; Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2001; Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Любичанковский С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907—1917 гг.). Оренбург, 2005; Его же. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892—1914 гг.). Самара ; Оренбург, 2007; Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М., 2012; Ее же. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. М., 2014; Миронов Б. Н. Соци-

М. М. Шумилов на материалах пореформенного периода сделал вывод, что статус губернатора как «хозяина губернии» не соответствовал реальности, а местные учреждения других ведомств «противились» расширению его власти. О. В. Морякова, применив ведомственный подход, рассмотрела местные учреждения трех министерств: внутренних дел, юстиции, финансов. А. В. Ремнев соединил региональный и управленческий подходы в административной политике Российской империи в концепт «география власти». Причиной «устойчивости» государства он считал «поливариантность» властных структур, многообразие управленческих форм. Новизна подхода Н. П. Матхановой состоит в том, что она выделила факторы, которые определяли положение губернаторов: наличие генерал-губернатора или военного губернатора, особенности социально-экономического положения региона, наличие дворянского самоуправления, особенности состава населения, личные качества. Автор предложила формальную и неформальную иерархию губернского чиновничества на материалах Восточной Сибири в середине XIX в.

Л. М. Лысенко на основе историко-социологического анализа сделала вывод о росте профессионализма, образовательного уровня, повышении правовой культуры губернаторов. Однако качество управления губерниями, по ее мнению, оставалось невысоким ввиду системных сбоев как в центре, так и на местах. Исследовательская программа С. В. Любичанковского предусматривала использование структурно-функционального подхода для изучения системы губернаторской власти конца XIX — начала XX в. и определения ее эффективности. Он рассмотрел местное управление в динамике и доказал, что кризис власти был обусловлен как системными причинами, так и зависел от губернского чиновничества. Благодаря исследованиям А. Н. Бикташевой в историографии губернаторской власти утвердился антропологический подход. Автор рассмотрела региональную специфику и практику управления в Казанской губернии на примере «казуальных и системных сбоев» с учетом «человеческого фактора».

Параллельно с разработкой новых теоретико-методологических подходов историки изучают реформирование государственного строя Российской империи в XVIII — первой четверти XIX в. (Л. Ф. Писарькова); становление и развитие органов губернского управления, эволюцию состава губернского чиновничества отдельных регионов Российской империи в конце XVIII — начале XX в. (В. М. Марасанова); анализируют формирование губернаторского корпуса и взаимоотношения начальников губернии с центральной властью через рассмотрение губернаторских отчетов (А. С. Минаков)¹.

альная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1, 2. СПб., 1999; Его же. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2015; Его же. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.

¹ Марасанова В. М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Минаков А. С. Губернаторский корпус и верховная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала

Одним из новых направлений стало успешное исследование института генерал-губернаторства в Российской империи в XIX — начале XX в. (Д. И. Раскин, В. Г. Арутюнян, В. В. Ефимова, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Ю. П. Злобин)¹. В. В. Ефимова представила комплексный анализ причин введения и отмены, места института генерал-губернаторства в системе органов государственной власти и управления на материалах губерний Европейского Севера, заключив, что Николай I «поспешил» с упразднением этой должности.

За последние годы заметно возросло количество работ по истории российской бюрократии, местного управления в отдельных губерниях, активно изучается роль III отделения СЕИВК в организации и осуществлении надзора за губернской администрацией². Вполне закономерен интерес современных исследователей к биографической тематике. Одной из причин стало забвение темы в советский период, другой — восстановление должности губернатора в современной России³. Заметно увеличилось количество региональных исследований, появились работы по гражданскому управлению Оренбургской губернии в первой половине XIX в., чиновничеству, проанализирована роль

XX в. Орел, 2011; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

¹ Раскин Д. И. Институт генерал-губернаторства и становление системы министерского управления // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1; Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2005. № 4. С. 68—82; Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М., 2006; Злобин Ю. П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX — начале XX века // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2013. № 7 (156). С. 37—44; Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820—1830 гг.). СПб., 2019.

² Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Иванов В. А. Профессиональная подготовка чиновников местных государственных учреждений Российской империи к концу правления Николая I // Научные ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2019. Т. 46, № 2. С. 305—313; Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016; Бибииков Г. В. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И. Д. Талызина // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. История. 2017. № 6 (50). С. 12—23; Раскин Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 410—422; и др.

³ Дорофеев В. В. Василий Перовский и Оренбуржье. Оренбург, 1995; Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы, 1777—1917 : (историко-биографические очерки). Ярославль, 1998; Губернаторы Оренбургского края / авт.-сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург, 1999; Кононов В. А. Смоленские губернаторы, 1711—1917. Смоленск, 2004; Азнабаев Б. А. Петр Степанович Ефтюгин // Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы / отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2016. С. 51—63.

оренбургских военных губернаторов в развитии российской внешней политики в Центральной Азии¹.

Исследовательским вниманием зарубежных историков оказались охвачены история центральных учреждений и местное управление. Были сделаны выводы о «институциональной слабости» системы управления Российской империи, отсутствии «каналов связи» между разными уровнями администрации². М. Раев заключил, что верховная власть функционировала по схеме: «самодержец — личные агенты», в которой в роли последних выступали губернаторы, а модель управления той или иной территорией в составе империи напрямую зависела от способов ее вхождения в состав государства³. Дж. П. ЛеДонн оценивал институт генерал-губернаторской власти в России как инструмент освоения и укрепления окраин⁴. К. Мацузато обосновал тезис, что разделение Российской империи на макрорегионы происходило на основе территориальных принципов⁵. Превращению окраин во внутренние губернии препятствовали военно-стратегические, ресурсно-мобилизационные, финансовые факторы, при этом власть генерал-губернатора являлась «персональной, оперативной, надзаконной и харизматичной».

В зарубежной историографии констатируется эволюция российского чиновничества в сторону профессионализации и специализации⁶. Биографическое направление в западной историографии представлено исследованиями Р. Роббинса, основанными на обширном круге источников⁷. Для большинства исследований зарубежных авторов характерен анализ проблем на большом времен-

¹ Гвоздиков И. М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Уфа, 2010; Азнабаев Б. А., Минигалеев Р. Р. Специфика правонарушений чиновников Оренбургской губернии в сфере гражданского управления первой четверти XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2; Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М., 2017.

² Большакова О. В. Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор. М., 2003. С. 16.

³ Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / пер. с фр. Я. Горбаневского и Н. Дюжевой. Лондон, 1990. С. 190.

⁴ LeDonn J. P. Frontier governors general, 1772—1825. 1. Western frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1999. Bd. 47, N. 1. S. 56—88; Idem. Administrative regionalization in the Russian empire 1802—1826 // *Cahier du monde russe*. 2002. Vol. 43, N 1. P. 5—28.

⁵ Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань, 2004. (Б-ка журнала «Ab Imperio»).

⁶ Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. Vol. 29, N 3. P. 429—443; Torke H. S. Continuity and change in the relations between bureaucracy and society in Russia, 1613—1861 // *Canada-American Slavic Studies*. Montreal, 1971. Vol. 5, N 4. P. 457—476.

⁷ Robbins R. The Tsar' Viceroyes. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca ; London : Cornell Univ. Press, 1987.

ном отрезке, даются общие оценки особенностей государственной власти на окраинах, составе и численности российского чиновничества.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет сделать вывод, что изучение института губернаторства сегодня обеспечено современными теоретико-методологическими подходами, солидной базой источников, достаточно полно изучены правовые основы функционирования губернаторской власти, биографии высших чиновников губерний. Актуальными проблемами сегодня продолжают оставаться механизмы функционирования моделей губернаторской власти, региональная специфика института губернаторства.

Параграф 1.3 «*Источниковая база исследования*» содержит анализ опубликованных и архивных документов, которые использовались при написании работы. Комплекс источников можно разделить на следующие виды: законодательные акты, материалы делопроизводства, справочные и статистические издания, документы личного происхождения, периодическая печать.

Все законодательные документы, задействованные в исследовании, были отобраны тематически в соответствии с выделенными для анализа проблемами и включают две большие группы: законы, действие которых распространялось на всех российских губернаторов, и те, которые касались оренбургских военных и гражданских губернаторов. *Законодательные акты* содержатся в двух частях Полного собрания законов Российской империи¹. Среди них именные указы, «Высочайше утвержденные» мнения и решения Государственного Совета, Комитета министров, Правительствующего сената. Данный вид источников позволил уточнить место институтов военного и гражданского губернаторства в аппарате государственного управления, их структуру и функции.

Реальная административная практика в Оренбургской губернии нашла отражение в обширной группе неопубликованных *делопроизводственных документов*, включающей отдельные комплексы источников. Материалы сенаторских ревизий Оренбургской губернии отложились достаточно компактно в фондах центральных и местных архивов². Среди документов — инструкции сенаторам, копии с их донесений в Сенат, рапорты местных учреждений об исполнении предписаний сенаторов. Особое место занимают итоговые документы, например «Записка об открытых при ревизии упущениях в уездных присутственных местах» А. Н. Пещурова. Она включала характеристику состояния присутственных мест губернии, выводы и предложения сенатора³. В журналах заседаний Комитета министров зафиксировано обсуждение вопросов, касаю-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗ I). СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ II). СПб., 1830—1884.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1537. Оп. 1. Д. 2; 3; 100а, 253, Оп. 3. Д. 2431; Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6—8; НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1867, 1914, 1915.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1867.

щихся Оренбургской губернии и требовавших согласования нескольких министров. Среди них — проекты преобразований, разработанных военными губернаторами¹. Материалы жандармского делопроизводства, отложившиеся в фондах ГАРФ, позволяют рассмотреть механизм негласного надзора III отделения СЕИВК за местным управлением².

Делопроизводство канцелярии гражданских губернаторов включало обширную отчетную документацию: о приеме и сдаче управления губернией, ежегодные всеподданнейшие отчеты, о результатах «обозрений» и инспекторских поездок по губернии. В наиболее полном виде они сохранились в РГИА, копии — в местных архивах. Отчеты оренбургских военных губернаторов по гражданскому управлению отложились в РГИА³, РГВИА⁴. В первые десятилетия XIX в. составление губернаторских отчетов не стало устойчивой административной практикой, за некоторые годы они не представлялись. Сопоставительный анализ отчетов военных и гражданских губернаторов помог уточнить предметы их ведения, формы взаимодействия в сфере гражданского управления, определить значимость как одного из средств контроля. Отчеты о результатах обозрения губернских присутственных мест были менее формализованы и представляли собой «рабочий» документ, который позволяет выяснить проблемы местного управления и оценить предлагавшиеся пути их решения⁵.

Значительный комплекс документов составили формулярные списки высших чиновников Оренбургской губернии — военных и гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских прокуроров, многие из которых были впервые введены в научный оборот. Документы оказались рассредоточены по фондам центральных и местных архивов⁶. Наиболее сложной задачей стало выявление формуляров чиновников конца XVIII — начала XIX в., в том числе вице-губернаторов, кто недолго находился в должности.

Комплекс судебно-следственной документации составили апелляции по уголовным делам Оренбургской губернии в Сенат, сохранившиеся в фондах РГИА, многие из которых были впервые введены в научный оборот⁷. Среди документов — рапорты оренбургских военных губернаторов с изложением обстоятельств дел, решением уголовной палаты и заключением самого начальника края. Эти материалы дополняются документами палат гражданского и уголовного суда Оренбургской губернии, что позволяет восстановить механизм реализации военным и гражданским губернаторами судебных функций⁸.

¹ РГИА. Ф. 1263.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109.

³ РГИА. Ф. 1281.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846.

⁵ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6; НАРБ. Ф. И-6.

⁶ РГВИА. Ф. 489; РГИА. Ф. 1284, 1341, 1349, 1363, 1364, 1374, 1405; НАРБ. Ф. И-1.

⁷ РГИА. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 485, 513, 758, 799, 832, 1037, 1205; Оп. 3. Д. 3, 183.

⁸ ГАОО. Ф. 6; НАРБ. Ф. 100.

Обширную группу делопроизводственных материалов составила переписка с центральными и местными учреждениями, сохранившаяся в фондах центральных архивов, а также в канцеляриях оренбургского военного и гражданского губернаторов, губернского правления¹. Эти документы помогают уточнить механизмы взаимодействия основных институтов местного управления.

Материалы *периодической печати*, прежде всего «Оренбургских губернских ведомостей», включают информацию о кадровых изменениях в губернской администрации, о результатах дворянских выборов, о поощрениях и наказаниях местных чиновников, о размерах сборов и повинностей с населения. Для жителей Оренбургской губернии с конца 1830-х гг. «Ведомости» стали важнейшим и во многих случаях единственным источником информации по самому широкому кругу вопросов.

Документы личного происхождения представлены опубликованными воспоминаниями и дневниками, материалами переписки². К сожалению, никто из представителей высшей администрации Оренбургской губернии не оставил воспоминаний о своей деятельности в крае. Известны только записки и дневники военных губернаторов П. П. Сухтелена и В. А. Перовского, посвященные периодам их жизни до приезда в Оренбургский край. Более многочисленны воспоминания, дневники, записки современников, среди авторов которых писатели, мемуаристы и чиновники, служившие в губернии в рассматриваемый период. Они содержат информацию о положении губернских служащих, характеристику руководителей губернии и аристократической верхушки оренбургского общества. Авторы описывают быт, нравы Оренбургской губернии. Информация в мемуарах и записках гораздо более подробна и эмоциональна, нежели сведения дневников. Именно благодаря этим источникам мы можем создать более точный портрет представителя высшей губернской администрации.

Справочные издания представлены в основном общероссийскими «Адрес-календарями» («Месяцесловами»), которые включали общую роспись всех чиновных особ в Российской империи по губерниям и уездам. Эти материалы помогают уточнить персональный состав губернской и уездной администраций в тот или иной период³. Но не всегда сведения таких справочных изданий точны,

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16, 248; НАРБ. Ф. И-1, И-2, И-6; ГАОО. Ф. 6.

² Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978; Винский Г. С. Записки Г. С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 1. С. 76—123; Вып. 2. С. 150—197; Выписки из записок уфимского старожилы генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского / публ. Я. С. Свице // Река времени / отв. ред. М. И. Роднов. Уфа, 2014. С. 92—102; Мертваго Д. Б. Записки (1760—1824). СПб., 2006; Из исторических записок Иоанна Альберта-Эренстрема // Русская старина. 1893. Т. 59. С. 209—229; Сомов М. М. Описание Уфы // Оренбургские губернские ведомости. 1864. № 10—52; Чернов И. В. Записки // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18.

³ Адрес-календари: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на... : в 2 ч. СПб., 1784—1841.

их следует сопоставлять с другими делопроизводственными документами. Статистические, географические и демографические описания помогают составить более полное представление о социально-экономическом положении Оренбургской губернии, изучить ее особенности. Отдельные документы, отражающие административные преобразования конца XVIII в., сохранились в личных фондах¹.

Источниковая база работы в целом достаточно обширна и позволяет провести анализ проблемы взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.

Вторая глава **«Оренбургская губерния как объект управления в Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в.»** содержит два параграфа.

Параграф 2.1 *«Факторы, определившие формирование особой модели управления Оренбургской губернии»* включает анализ особенностей губернии, которые привели к формированию особой модели регионального управления.

Оренбургская губерния относилась к числу пограничных территорий Российской империи, где была построена разветвленная сеть крепостей, редутов, представлявших собой единую оборонительную линию. Пограничную службу на ней несли регулярные силы и значительный контингент иррегулярных войск, являвшийся самым большим в Российской империи. Он включал четыре войска — Уральское, Оренбургское казачьи, Башкиро-мещерякское и Ставропольское калмыцкое войска. Губерния была расположена на путях транзитной торговли с Сибирью, Казахстаном, Средней Азией, что требовало организации их защиты.

В рассматриваемый период Оренбургская губерния была отдаленной обширной аграрной окраиной Российской империи (третьей по размеру территории и четвертой по численности населения). Недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры затруднял сообщение с центром. В первой половине XIX столетия в губернии преобладали крестьяне — 51% (казенные — 32%, помещичьи — 12%, удельные — 4,4%, заводские — 2,7%) и военно-служилое население — около 37%. Незначительная численность дворян (менее 1%) создавала трудности с комплектованием штата служащих губернских и уездных учреждений управления. Большая часть городов была создана искусственно, правительственными распоряжениями, и представляла собой военные крепости. Купцы и мещане составляли соответственно 0,5 и 1%. Доля русских в общей массе населения губернии — 56%, что стало результатом активного переселенческого движения, на долю нерусских народов губернии приходилось 44%, в том числе 31% — на башкир, мишарей, тептярей.

¹ Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 23.

Особенность развития народного образования в Оренбургской губернии состояла в том, что правительство не ставило задачу подготовки профессиональных служащих для работы в государственном аппарате. Широкое распространение получили школы военного ведомства для военно-служилого населения. Строительство железоделательных и медеплавильных заводов на Южном Урале во второй половине XVIII в. привело к росту числа государственных горнозаводских школ и частных училищ, которые обеспечивали более высокую профессиональную подготовку специалистов для этого ведомства.

В параграфе 2.2 *«Реформы местного управления Павла I и развитие административной инфраструктуры Оренбургской губернии в первой половине XIX в.»* отражены результаты преобразований регионального уровня государственного управления в конце XVIII в.

Административно-территориальные реформы Павла I привели к укрупнению уездов во вновь образованной Оренбургской губернии, непропорциональному распределению жителей, увеличив нагрузку на присутственные места. Перенос административного центра из Уфы в Оренбург, расположенный на краю губернии, сделал губернские присутственные места менее доступными для жителей, ослабил контроль за уездными администрациями. Указанные недостатки были отмечены сенаторами в ходе ревизии 1800 г. и привели к пересмотру административно-территориального деления Оренбургской губернии, возвращению губернских присутственных мест и гражданского губернатора в Уфу в 1802 г. В Оренбурге находились военный губернатор и органы военно-пограничного управления. Сохранение двух центров на протяжении первой половины XIX в. затрудняло административную коммуникацию и оперативное решение вопросов. Губернская администрация испытывала трудности с размещением присутственных мест из-за нехватки подходящих зданий. Деятельность учреждений управления в первые десятилетия XIX в. проходила в условиях уточнения границ Оренбургской губернии.

По штатам 1796 г. Оренбургская губерния была отнесена к основной части внутренних губерний Российской империи I разряда. Однако управление губернией имело серьезные особенности: во главе находились военный и гражданский губернаторы; функционировали органы пограничного управления, Оренбургское духовного закона магометанское собрание. В конце XVIII в. по инициативе местной администрации была создана кантонная система, которая перевела гражданское башкирское и мишарское население в военное сословие.

Третья глава **«Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией»** состоит из четырех параграфов.

Параграф 3.1 *«Формирование института оренбургского военного губернаторства: правовой статус, канцелярия, чиновники особых поручений»* рассматривает положение военных губернаторов в системе местного управления, учреждения, с помощью которых они осуществляли функции по гражданскому управлению. Институт военного губернаторства носил черты особого управления, определявшегося пограничным характером Оренбургской губернии. Пол-

номочия военных губернаторов не были отражены в конкретном законодательном акте, а регулировались именными указами и ситуативно-институциональными решениями, что придавало им черты некоторой неопределенности. Оренбургские военные губернаторы возглавляли войска, расположенные в крае — Оренбургскую инспекцию, 23-ю (номер несколько раз менялся) дивизию, Отдельный Оренбургский корпус. Они заведовали «гражданской частью» губернии, а в 1803 г. в отношении губернских учреждений были функционально приравнены к генерал-губернаторам. Это закрепило их фактический статус личных представителей императора в губернии, главных начальников губернии, имевших право непосредственного обращения к императору. По отношению к гражданскому управлению они должны были осуществлять «надзор с правом исправления», подчиняться императору, Сенату, МВД. После утверждения министерской системы военный губернатор осуществлял важное межведомственное взаимодействие, обеспечивая единство управления, контрольно-надзорные функции по отношению к губернским учреждениям, административную коммуникацию с центральными учреждениями.

Канцелярия оренбургского военного губернатора выполняла секретарские обязанности. Ее устройство учитывало специфику Оренбургской губернии, включало отделения по гражданской, пограничной частям и иррегулярным войскам. Правители канцелярии отличались административной стабильностью, размер их жалованья был сопоставим с окладами председателей губернских палат. Обязанности чиновников особых поручений, оформленные в 1835 г., состояли в исполнении дел, выходящих за пределы полномочий обыкновенных штатных служащих. Их число определялось штатами, но военный губернатор имел возможность принять сверхштатных. Выбор правителей канцелярии и чиновников особых поручений во многом определялся принципами управленческой деятельности и личными качествами начальников края. Среди них, особенно при П. П. Сухтелене, В. А. Перовском, значительную часть составляли образованные молодые дворяне, из числа которых впоследствии вышли вице-губернаторы и губернаторы

Параграф 3.2 «Социокультурный состав оренбургских военных губернаторов» рассматривает корпус главных начальников губернии с точки зрения их происхождения, образования, имущественного положения, основных этапов службы.

Оренбургская губерния, являясь отдаленной юго-восточной окраиной Российской империи, не рассматривалась как престижное место службы, но важность территории в геополитическом отношении серьезно влияла на принципы кадровых назначений. Анализ социокультурного состава шести военных губернаторов этого периода показывает, что они имели II—IV классы, были лично знакомы с императором, некоторые пользовались особым покровительством; принадлежали к российскому генералитету; к моменту назначения на должность имели военно-дипломатический опыт; находились в довольно работоспособном возрасте, были инициативны, отличались административной стабильностью.

В параграфе 3.3 «*Военно-пограничные функции*» показаны полномочия военных губернаторов по обеспечению безопасности Оренбургской пограничной линии и караванной торговли, распределению войск по дистанциям, проведению инспекторских проверок их состояния, снабжению войск всем необходимым. С военного губернатора генерала П. К. Эссена начинается большая работа по реформированию военной части в губернии ввиду низкой боеспособности и архаичной системы организации Башкиро-мещерякского войска. Проекты отразили две тенденции: постепенный переход коренного военно-служилого населения в «податное состояние» и установление единообразных форм организационного устройства казачьих войск края. Ни один из этих проектов, предложенных военными губернаторами, не был реализован в полном объеме в силу того, что у верховной власти не было четкого представления о путях и методах преобразований. Решение проблемы затруднялось вотчинным правом башкир на землю.

Центральная власть хорошо осознавала, что из столицы сложно составить представление о реальной ситуации в этом обширном пограничном регионе, поэтому решение внешнеполитических вопросов занимало важное место в полномочиях военных губернаторов. Стратегическая задача, которую они должны были решать, предполагала включение подчиненных казахских территорий в единую административную систему империи на основе общероссийских норм. Пути и методы ее осуществления во многом определялись личностными качествами главных начальников, характером их взаимоотношений с ханами.

Параграф 3.4 «*Проектная деятельность оренбургских военных губернаторов*» посвящен анализу административных инициатив, с которыми выступали оренбургские военные губернаторы.

Активное составление проектов реформирования Оренбургской губернии начинается в 1820-е гг. по инициативе императора. Разработанные оренбургскими военными губернаторами планы стали частью общего процесса реформирования местного управления Российской империи этого периода. Улучшить качество управления Оренбургской губернией предполагалось путем разделения ее на две, унификации положения разнородного населения, расширения полномочий главного начальника губернии и повышения его статуса за счет учреждения генерал-губернаторского управления по примеру Сибири. Эти идеи были характерны для проектов оренбургских военных губернаторов П. К. Эссена и П. П. Сухтелена. В. А. Перовский выдвигал на первый план трансформацию многочисленных сословий губернии в однородное податное сословие, что соответствовало имперской политике «поглощения окраин».

Предложенные проекты не были реализованы в полном объеме. Их обсуждение показало, что противниками усиления власти военного губернатора выступили министры финансов и внутренних дел. У правительства не было конкретной программы реформирования Оренбургской губернии, учитывая значительный процент военно-служилого населения и нерешенность вопроса о башкирском землевладении.

Четвертая глава «**Институт оренбургского гражданского губернаторства: общероссийские тенденции и местная специфика**» делится на пять параграфов.

Параграф 4.1 «*Особенности правового положения оренбургских гражданских губернаторов. Место канцелярии и чиновников особых поручений в структуре губернаторской власти*» отражает правовое обеспечение деятельности, структуру института губернаторской власти в губернии.

В начале XIX в. формально-юридические основы функционирования института оренбургского гражданского губернаторства были определены только в самом общем виде. Практическая деятельность затруднялась общностью компетенций с оренбургским военным губернатором, управляющим гражданской частью, что приводило к необходимости дополнительного законодательного разграничения. Функциональное уравнение военных губернаторов с генерал-губернаторами закрепило подчиненное положение оренбургских гражданских губернаторов, определив способы и формы взаимодействия. Ситуация ведомственной разобщенности, сосредоточение слишком больших функций в МВД затрудняли функционирование института оренбургского гражданского губернаторства. Закрепление при Николае I изменившегося статуса гражданского губернатора как хозяина вверенной ему губернии, «блюстителя порядка», чиновника МВД, не изменило ситуацию. На практике гражданский губернатор являлся только исполнителем, основные функции которого были сосредоточены в административно-полицейской и надзорной сфере.

Рост бумажного документооборота в результате развития министерской системы показал ограниченные возможности канцелярии гражданского губернатора из-за малого числа чиновников и их низкого жалованья, привел к дальнейшему институциональному оформлению. В 1810 г. оренбургские гражданские и военные губернаторы включились в процесс разработки новых штатов. Их пересмотр во второй четверти XIX в. продемонстрировал желание верховной власти укрепить власть губернаторов, унифицировать структуру их канцелярий. Среди служащих канцелярии гражданского губернатора были преимущественно молодые (22—28 лет) дворяне (80%), которые принадлежали к третьей группе чиновничества IX—XII классов. Особенность состояла в том, что классные чины некоторых должностей чиновников канцелярии были ниже, чем требовал штат. Чиновники особых поручений появились при гражданских губернаторах в 1827 г., исполняли поручения начальника губернии и вице-губернатора по вопросам гражданского управления. К середине XIX в. они делились на старших и младших, были выходцами из дворянства и «обер-офицерских детей», имели, как правило, среднее образование.

Параграф 4.2 «*Кадровый состав корпуса оренбургских гражданских губернаторов: социокультурные характеристики, критерии и механизмы назначения*» посвящен анализу региональных особенностей состава высшего чиновничества губернии.

В рассматриваемый период должность оренбургского гражданского губернатора занимали 14 человек. В конце XVIII — первой четверти XIX в. на эту должность назначали чиновников, имевших высокий гражданский чин статского советника и выше (III—V классы) с тенденцией понижения в последующий период (IV—V классы). Преобладали бывшие военные, что, по мнению верховной власти, соответствовало специфике Оренбургской губернии. Важным фактором карьерного роста стала военная служба гражданских губернаторов под началом выдающихся военных деятелей первой половины XIX в. Средний возраст вступления в службу составлял 36—48 лет, практически все гражданские губернаторы имели административный опыт. В кадровых назначениях Николай I отдавал предпочтение чиновникам, знакомым со спецификой Оренбургского края либо ранее служившим в губерниях, прежде всего в Сибири, которые имели некоторые черты сходства с Оренбургской губернией. Возрастает значимость образования. Особенность Оренбургской губернии состояла в том, что в большинстве случаев военный губернатор запускал механизмы назначения и увольнения гражданских губернаторов, хотя формально эти вопросы оставались вне его компетенции.

В параграфах 4.3 *«Организационно-правовые основы работы Оренбургского губернского правления: законодательное обеспечение, штат, функции»* и 4.4 *«Основные направления деятельности Оренбургского губернского правления в условиях совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторства»* рассмотрены законодательное регулирование работы губернского правления, эволюция штатов, порядок делопроизводства и выделены региональные особенности деятельности основного административного учреждения губернии.

Исучаемый период характеризовался активным законодательным регулированием порядка деятельности губернских правлений Российской империи на основе принципов дифференциации обязанностей и получаемого жалованья, увеличения числа чиновников и их окладов. К концу периода были разграничены процессы подготовки и решения дел. Однако, несмотря на утверждение принципов рационального управления, Оренбургское губернское правление не могло справиться с решением значительного объема дел. Недостатки в его деятельности носили системный характер: медленное рассмотрение дел, слабый контроль за уездными присутственными местами, неисполнение в срок предписаний вышестоящих учреждений. Серьезной проблемой оставался низкий уровень подготовленности, грамотности и профессионализма чиновников. Обширная территория уездов, подчиненность населения многочисленным ведомствам объективно затрудняли и затягивали рассмотрение и решение дел в правлении. Особенностью деятельности Оренбургского губернского правления являлось рассмотрение дел, касающихся башкир и мещеряков, которые по вопросам несения службы относились к военным властям, а по гражданским делам — к губернским. Среди них основную массу составляли дела о башкирском землевладении, о злоупотреблениях при назначении на службу, утверждении резуль-

татов выборов в органы башкирского самоуправления, дела Оренбургского духовного магометанского закона собрания. Исполнение полицейских функций в башкирских и мещерякских кантонах предусматривало согласование всех действий с кантонными, юртовыми начальниками, командующим Башкиро-мещерякским войском, оренбургским военным губернатором.

Оренбургское губернское правление рассматривало и решало дела коллегиально, совместно с гражданским губернатором. С 1830—1840-х гг. усиливается роль губернатора в принятии решений. Учреждение ревизионного стола установило контроль за ходом делопроизводства. Губернское правление не являлось еще одной канцелярией губернатора. Функционально характер рассматриваемых вопросов был схож, но правление, в отличие от канцелярии, занималось решением дел, а не только техническим сбором информации.

Именно через губернское правление военный губернатор осуществлял свои функции по гражданскому управлению. Он проводил ревизии делопроизводства, направлял жалобы для рассмотрения, предложения по совершенствованию делопроизводства, выступал с инициативами изменения штатов. Губернское правление представляло военному губернатору ведомости о происшествиях в губернии, об увольнении и отдаче чиновников под суд, о делах «особой важности», о решенных и нерешенных делах, о недоимках, о справочных ценах.

Параграф 4.5 *«Место вице-губернатора в институте губернаторской власти. Социокультурный состав оренбургских вице-губернаторов»* отражает особенности положения «помощника» гражданского губернатора в местном управлении и кадровый состав корпуса вице-губернаторов.

Вице-губернатор занимал особое положение в составе института оренбургского гражданского губернаторства. Являясь «поручиком правителя», до принятия «Наказа гражданским губернаторам» 1837 г. он возглавлял казенную палату, подчинялся Министерству финансов. Складывалась противоречивая ситуация, когда вице-губернатор и казенная палата находились в исключительном ведении министра финансов, но должны были отчитываться перед гражданским губернатором и МВД по ряду вопросов. Такое положение заставляло правительство регулировать возникающие споры с помощью новых указов. В этот период военный губернатор, обеспечивая единство местного управления, осуществлял контрольные функции по отношению к казенной палате, занимался вопросами совершенствования ее штатов и работы. Управленческие коллизии были призваны решить «Наказ гражданским губернаторам» 1837 г. и «Учреждение губернских правлений» 1845 г., определившие вице-губернатора «непосредственным помощником» губернатора.

В первой половине XIX в. должность вице-губернатора оренбургской губернии занимали 12 человек. Анализ формулярных списков показал, что они имели преимущественно чины IV—VII классов, в первой четверти XIX в. назначались в основном из бывших военных, во второй четверти — все имели опыт гражданской службы в центральных и местных учреждениях Министер-

ства финансов. После причисления вице-губернаторов к МВД должность вице-губернатора стала настоящей «школой» губернаторов.

Пятая глава «**Административно-судебный контроль в местном управлении Оренбургской губернии**» включает шесть параграфов.

Параграф 5.1 «*Сенаторские ревизии Оренбургской губернии*» представляет способы высшего надзора над местным управлением.

Оренбургская губерния в рассматриваемый период подвергалась сенаторским ревизиям несколько раз. Ревизия 1800 г. М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина стала частью масштабной проверки местного управления Российской империи, инициированной императором Павлом I. Она не выявила серьезных нарушений, проводилась довольно поспешно: с 16 июля по 7 августа 1800 г. Выводы сенаторов, представленные в рапорте, носили общий характер: усилить штаты учреждений, повысить жалованье чиновников. Важный итог ревизии состоял в предложении сенаторов перенести присутственные места из Оренбурга в Уфу, что было осуществлено Александром I в 1802 г.

Ревизия 1842—1843 гг., проведенная сенатором А. Н. Пещуровым, представляла собой иной вид проверки, стала следствием доноса на гражданского губернатора И. Д. Талызина, показала роль III отделения СЕИВК в осуществлении негласного надзора над губернаторами. Ревизия была масштабной, продолжалась с октября 1842 г. по июль 1843 г. и выявила серьезные нарушения в губернских и уездных учреждениях: медленное делопроизводство, исправление и утерю документов, неисполнение служебных обязанностей, сокрытие дел о должностных преступлениях. В ходе ревизии 22 чиновника были преданы суду, а 15 — отрешены от должности. Ответственность за упущения была возложена на губернское правление и прежнего гражданского губернатора. Ход ревизии показал, что сенатор, восстанавливая законность, стремился не уронить престиж власти действующего губернатора. По итогам проверки была составлена программа устранения недостатков, в том числе высказано предложение о разделении Оренбургской губернии на две губернии. Однако ревизия судебных мест 1844 г. А. Ф. Веймарна, проведенная по инициативе министра юстиции, показала, что серьезного улучшения в делопроизводстве не произошло. Исправление замечаний А. Н. Пещурова было возложено на губернское правление во главе с гражданским губернатором и продолжилось до 1848 г. Контроль сохранялся за оренбургским военным губернатором.

Опыт осуществления сенаторских ревизий в Оренбургской губернии показывает, что они проводились нерегулярно, не всегда отражали реальное положение дел в местном управлении, но имели значимые результаты для последующего административного устройства губернии. Конкретные результаты в виде ускорения решения дел носили временный характер.

В параграфе 5.2 «*Всеподданнейшие отчеты оренбургских военных и гражданских губернаторов в системе административного контроля*» проанализированы губернаторские отчеты как способ контроля за местным управлением.

В первые десятилетия XIX в. всеподданнейшие отчеты оренбургских гражданских губернаторов как узковедомственные документы были сосредоточены на показателях экономического развития губернии. Несмотря на неточность сведений и нерегулярность представления, они позволяли составить довольно полное представление о всех сторонах жизни губернии. Во второй четверти XIX в. отчеты стали рассматриваться как средство контроля за административной деятельностью губернатора, продолжая играть роль одного из многочисленных информационных каналов. Возрастает интерес к содержащимся в них статистическим сведениям, количеству «решенных и нерешенных дел». Отчеты направлялись на рассмотрение военному губернатору, министру внутренних дел, императору. Бюрократическая процедура подготовки и рассмотрения была затянута и не способствовала оперативной реакции.

Оренбургские военные губернаторы представляли свои отчеты по гражданской части императору и в МВД. Их формуляр, сроки подачи не были определены законодательно, поэтому на них переносились принципы отчетности гражданских губернаторов. Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов включали анализ работы всех учреждений губернии, в том числе канцелярии главного начальника края, содержали оценку работы гражданского губернатора, фиксировали специфику губернии и конкретные предложения по совершенствованию местной власти. Оренбургские гражданские губернаторы не очень активно представляли свои «Виды и предложения», полагая, что это право принадлежит военному губернатору как главному начальнику губернии.

Параграф 5.3 «*“Обозрения” присутственных мест военными и гражданскими губернаторами как способ административного контроля*» анализирует практику проверок губернских и уездных учреждений.

Обозрения были встроены в систему местного контроля, проводились военными и гражданскими губернаторами. Они предусматривали личную проверку состояния делопроизводства, порядка и скорости решения дел, состава служащих в губернских и уездных учреждениях. Это позволяло не только получить наиболее полную и достоверную картину состояния управления, но и принять конкретные меры по устранению недостатков. В отдельных случаях ревизия осуществлялась чиновником особых поручений или вице-губернатором.

Право военного губернатора проводить ревизии губернских и уездных присутственных мест основывалось на том, что он являлся «местным высшим блюстителем порядка», а потому мог ревизовать «действия всех “мест и лиц” в губернии». В первые десятилетия оренбургский гражданский губернатор проводил обозрения подведомственных ему учреждений. Развитие министерской системы, сосредоточение в руках министерств функций ведомственного надзора к середине XIX в. расширили сферу губернаторского контроля.

Анализ обозрений показывает, что они проводились нерегулярно, их результаты военные и гражданские губернаторы представляли в губернское правление для исполнения, в МВД, иногда — императору. Гражданские губернаторы представляли свои отчеты военному губернатору. Однако бюрократический

ритуал оформления и представления отчетности был очень трудоемким, вследствие чего после 1839 г. результаты обзоров следовало включать в ежегодный всеподданнейший отчет.

Параграф 5.4 *«Надзорные функции оренбургских военных и гражданских губернаторов в судебной сфере»* посвящен реальному участию руководителей губернии в судебной практике.

Реализация надзорных функций оренбургских военных губернаторов была затруднена ввиду их чрезвычайно «общего» характера и отсутствия четкого законодательного разделения судебных полномочий с гражданским губернатором, что требовало вмешательства Сената. Спорные ситуации возникали в связи с решением судебных вопросов среди коренного башкирского населения, касавшихся спор и тяжб о земле. Установленные законом судебные функции военных губернаторов по уголовным делам были более обширны, чем по гражданским, но вмешиваться в ход судебного разбирательства он не мог. С 1823 г. в Оренбургской губернии утверждение всех приговоров губернских судебных мест было закреплено за гражданским губернатором. На рассмотрение военного губернатора поступали судебные дела, связанные с преступлениями башкир и мишарей, их правами на землю, злоупотреблениями башкирских чиновников, а также дела, касающиеся привилегированных сословий, по которым было вынесено наказание в виде смертной казни, лишения сословных прав, привилегий и телесных наказаний, которые затем передавались в Сенат. Подобное распределение функций можно считать вполне рациональным, учитывая, что сама судебная система в конце XVIII — первой половине XIX в. и порядок судебного разбирательства были довольно сложными и запутанными, а уровень профессиональной подготовки чиновников учреждений — достаточно низким. Как свидетельствуют материалы Оренбургской губернии, судебные приговоры, утвержденные губернатором, составляли в 1840-е гг. около 90% от всех решений судебных мест.

В параграфах 5.5 *«“Ближний надзор” над системой местного управления Оренбургской губернии. Губернские прокуроры: социокультурный состав, особенности кадровых назначений»* и 5.6 *«Надзорная деятельность оренбургских губернских прокуроров»* рассмотрены особенности прокурорского надзора в губернии.

На институт прокуратуры были возложены обязанности надзора за законностью деятельности учреждений, рекрутскими наборами, сбором податей. Средствами надзора являлись личное присутствие, требование дел для просмотра, предложения присутственным местам, просмотр журналов, подача протестов. Однако надзорная деятельность губернских прокуроров не была разграничена с полномочиями военных и гражданских губернаторов.

В конце XVIII — первой половине XIX в. должность оренбургского губернского прокурора занимали одиннадцать человек. Анализ их формулярных списков подтверждает общероссийскую тенденцию, что статус этой должности был не очень высок: 82% в момент назначения на должность имели чин кол-

лежского советника (VI класс), 18% — надворного советника (VII класс). Их невысокое положение подтверждалось низким жалованьем. Многие из оренбургских губернских прокуроров впоследствии становились председателями губернских палат, рассматривая свое назначение как серьезное продвижение по службе. Анализ формулярных списков и материалов делопроизводства показывает, что подавляющая часть губернских прокуроров до своего назначения уже имела опыт службы в присутственных местах, в том числе и в Оренбургской губернии.

В 30-е гг. XIX в. происходит завершение законодательного оформления института прокуратуры. Утверждение бюрократических принципов привело к формализации деятельности прокурора. Основное значение в его работе приобретает просмотр журналов присутственных мест, на основе которого составлялся ежемесячный отчет о количестве решенных и нерешенных дел, находящихся на рассмотрении Сената, гражданского губернатора.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщаются выводы и положения.

Региональная политика Российской империи характеризовалась разными вариантами и моделями институционального взаимодействия, асимметричным распределением полномочий, учитывающим специфику отдельных губерний, но при этом стратегическими задачами верховной власти всегда оставались централизация, установление управленческой однородности, стабильное развитие территорий. Особая модель управления, сформировавшаяся в Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в., демонстрирует один из вариантов решения указанных задач.

Центром системы управления, вокруг которого выстраивалась вся система учреждений Оренбургской губернии, являлся институт военного губернаторства. Его статус определялся порядком назначения военного губернатора, его возможностью прямого обращения к императору, наименованием должности — «главный начальник губернии», чином и принципами кадровых назначений, сосредоточением в его руках контрольно-надзорных функций и правом заведования губернским управлением. Институт гражданского губернаторства включал начальника губернии, его канцелярию, чиновников особых поручений, вице-губернатора и был сосредоточен на решении административно-полицейских, хозяйственных задач.

Взаимодействие институтов военного и гражданского губернаторства проходило в условиях отдаленности от центра, обширности Оренбургской губернии, слабо развитой административной инфраструктуры, постоянного кадрового голода, недостаточного уровня законодательного обеспечения и разграничения функций между основными учреждениями и должностными лицами местного управления. Тем не менее статус должности и широкие властные полномочия оренбургских военных губернаторов, механизмы и принципы кадровых назначений, наличие органов оперативного управления — канцелярий губернаторов и чиновников особых поручений «компенсировали» не вполне благопри-

ятные условия и обеспечивали полноту и качество выполнения государственными институтами своих функций и задач. Общая логика развития системы регионального государственного управления в Российской империи во второй четверти XIX в., связанная с утверждением бюрократических принципов, унификацией внутренней структуры учреждений и системы делопроизводства, штатов, разделением полномочий, упорядочением и расширением механизмов контроля создавала условия для выработки эффективных способов и форм взаимодействия.

Особую региональную модель совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторства, сложившуюся в Оренбургской губернии, следует признать вполне эффективной для данного этапа исторического развития государства. Она была основана на сочетании общероссийских тенденций и учитывала специфику края, решала задачи верховной власти по обеспечению стабильности и единства управления в обширном пограничном регионе. По мере дальнейшей трансформации многочисленных и разнородных сословий Оренбургской губернии в однородное податное сословие, разделения губернии и выделения из нее гражданской Уфимской губернии сложившаяся система совместного функционирования институтов военного и гражданского губернаторов перестала решать стоящие перед ней задачи и потребовала реформирования.

Список источников и литературы включает использованные архивные и опубликованные источники, научные труды по тематике исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых журналах, включенных в базы Web of Science и Scopus

1. Semenova N. L. Problem of reforming of the Russian empire local government at the beginning of the 1830 s. // Былые годы. 2016. № 39. С. 63—71. (0,7 п.л.)
2. Семенова Н. Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: Механизмы и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII — первая четверть XIX века) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 10—27. (0,9 п.л.)
3. Семенова Н. Л. Судебные полномочия и функции военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой трети XIX века // Научный диалог. 2018. № 5. С. 234—244. (0,8 п.л.)
4. Семенова Н. Л. Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 7—22. (0,9 п.л.)
5. Семенова Н. Л., Любичанковский С. В. Оренбургские вице-губернаторы в первой половине XIX в.: функции, полномочия, персональный состав и факторы карьеры // Новый исторический вестник. 2019. № 1 (59). С. 20—41. (1,1 п.л.)

6. Семенова Н. Л. Диалог властей в административном пространстве Российской империи в первой половине XIX в. (на примере всеподданнейших отчетов оренбургских губернаторов) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. № 8 (82). (1 п.л.)

***Статьи в рецензируемых изданиях, входящих в Перечень ВАК
Минобрнауки РФ***

1. Семенова Н. Л. Организация строительной и дорожной комиссий в Оренбургской губернии в 30—60-е гг. XIX в. // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 15 (196). С. 55—60. (0,5 п.л.).

2. Семенова Н. Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842—1843 гг. // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. № 4 (123). С. 46—51. (0,5 п.л.).

3. Семенова Н. Л. Оренбургское военное губернаторство в 1796—1851 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки*. 2013. № 3—4. С. 32—35. (0,4 п.л.).

4. Семенова Н. Л. Злоупотребления в системе государственного управления Оренбургской губернии в 30—40-е гг. XIX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 8-1 (34). С. 179—183. (0,5 п.л.).

5. Семенова Н. Л. Проблема определения эффективности деятельности государственных учреждений Оренбургской губернии в 30—50-е гг. XIX в. // *Вестник ВЭГУ*. 2013. № 4 (66). С. 128—134. (0,6 п.л.).

6. Семенова Н. Л. Оренбургская губернская администрация рубежа XVIII—XIX вв. в оценках современников // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология*. 2014. № 21 (192). С. 86—93. (0,7 п.л.).

7. Семенова Н. Л. Надзорные функции военного губернатора в системе управления Оренбургской губернии в первой половине XIX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 5-3 (43). С. 164—168. (0,4 п.л.).

8. Семенова Н. Л. Проблема разделения Оренбургской губернии: проект военного губернатора П. К. Эссена // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 22 (351). С. 47—55. (0,7 п.л.).

9. Семенова Н. Л. Сенаторская ревизия Оренбургской губернии 1800 г. // *Клио*. 2015. № 5 (101). С. 71—76. (0,5 п.л.).

10. Семенова Н. Л. Губернские прокуроры в системе местного управления Российской империи в конце XVIII — начале XIX в. (на примере Оренбургской губернии) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015. Т. 4, № 3. С. 129—137. (0,8 п.л.).

11. Семенова Н. Л. Губернаторы и органы дворянского сословного самоуправления Оренбургской губернии в 20—30-е гг. XIX в. // *Вестник Самарского государственного университета*. 2015. № 7 (129). С. 126—132. (0,6 п.л.).

12. Семенова Н. Л. Гражданские губернаторы и казенные палаты в системе местного управления Российской империи в конце XVIII — первой трети XIX в. // *Из-*

вестия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 31—35. (0,4 п.л.).

13. Семенова Н. Л. Оренбургский край в региональной политике Российской империи в XVIII — начале XIX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 7. С. 52—59. (0,6 п.л.).

14. Семенова Н. Л. Административно-территориальное переустройство Оренбургской губернии в проектах военных губернаторов края в 30—40-е гг. XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 4 (24). С. 147—156. (0,9 п.л.).

15. Семенова Н. Л. Канцелярия военного губернатора и чиновники особых поручений в системе местного управления Оренбургского края в первой половине XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 67—79. (0,9 п.л.).

16. Семенова Н. Л. Правовые основы деятельности, состав, функции канцелярии оренбургского гражданского губернатора в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 2 (34). С. 165—179. (0,9 п.л.).

17. Семенова Н. Л. Губернаторские отчеты первой половины XIX в.: источник информации или элемент бюрократической системы? // Новое прошлое. 2021 № 1. С. 226—235. (0,6 п.л.).

Монографии

1. Семенова Н. Л. Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб. : Нестор-История, 2020. 208 с.

Главы в коллективных монографиях

1. Семенова Н. Л. Оренбургское генерал-губернаторство // История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века : в 2 т. / РАН, УНЦ, ИИЯЛ, АН РБ, Отделение социальных и гуманитарных наук. Уфа : Гилем, 2006. Т. 1. С. 101—103. (0,4 п.л.).

2. Семенова Н. Л., Кантимирова Р. И. Губернские и уездные органы управления, общинно-волостная администрация // История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века : в 2 т. / РАН, УНЦ, ИИЯЛ, АН РБ, Отделение социальных и гуманитарных наук. Уфа : Гилем, 2006. Т. 1. С. 84—103. (1 п.л.).

3. Семенова Н. Л. Военные губернаторы и башкиры // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов ; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. СПб. : Наука, 2011. Т. 4. С. 44—51. (0,6 п.л.).

Прочие издания

1. Семенова Н. Л. Хивинский поход оренбургского военного губернатора В. А. Перовского // Бельские просторы. 2001. № 4. С. 137—144. (0,7 п.л.).

2. Семенова Н. Л. Политика Российского государства в отношении религии коренных народов Южного Урала в XVIII—XIX вв. // Пятые Татищевские чтения. Екатеринбург : ИИиАУрО РАН, 2004. С. 183—187. (0,3 п.л.).

3. Семенова Н. Л. Военная и гражданская власть в Оренбургском крае в первой половине XIX в. // Проблемы истории Оренбургского края XVIII—XIX вв. К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области : сб. статей / отв. ред. Ю. П. Злобин. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. С. 71—81. (1 п.л.).

4. Семенова Н. Л. Внешнеполитическая деятельность администрации Оренбургского края в отношении юго-восточных соседей в конце XIX — первой половине XX в.: принципы, этапы, итоги // Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация : материалы межвуз. науч. семинара. Уфа : Гилем, 2005. С. 224—234. (0,8 п.л.).

5. Семенова Н. Л. Недостатки местного управления Российской империи в 40—50-е гг. XIX в. по отчетам оренбургских гражданских губернаторов // История Оренбургская: наследие и современность. Первые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : сб. статей / отв. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. С. 106—117. (0,9 п.л.).

6. Семенова Н. Л. Чиновники Уфимского наместничества: численность, социальный состав (на примере казенной палаты) // Исследования и исследователи юго-востока России (XIX—XX вв.). Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П. Е. Матвиевского : сб. статей / отв. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 172—176. (0,4 п.л.).

7. Семенова Н. Л. Этапы модернизации местного управления в Башкирии в XVIII — первой половине XIX в. // Традиционные общества: неизвестное прошлое : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 97—104. (0,6 п.л.).

8. Семенова Н. Л. Наместничество // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2008. Т. 4. Л—О. С. 340. (0,1 п.л.).

9. Семенова Н. Л. Оренбургская казенная палата // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2008. Т. 4. Л—О. С. 540. (0,1 п.л.).

10. Семенова Н. Л. Приказ общественного призрения // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2009. Т. 5. П—Советы. С. 181. (0,1 п.л.).

11. Семенова Н. Л. «Наказ» 1837 г. о порядке предоставления отчетов гражданскими губернаторами // Россия: история законности и беззакония : материалы 54-й Всерос. заоч. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб. : Нестор, 2009. С. 19—23. (0,3 п.л.).

12. Семенова Н. Л. Особенности управления Оренбургской губернией в середине XIX в. (по отчетам губернаторов) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф. : в 2 т. Екатеринбург : Автограф, 2009. Т. 2. С. 99—103. (0,3 п.л.).

13. Семенова Н. Л. Развитие российского чиновничества и западные бюрократические модели. Выступление в ходе заочной дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 116—118. (0,2 п.л.).

14. Семенова Н. Л. О соотношении понятий «местное управление» и «местное самоуправление». Выступление в ходе заочной дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 32—34. (0,2 п.л.).

15. Семенова Н. Л. Современные подходы к разработке проблемы эффективности местного управления. Выступление в ходе заочной дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 57—61. (0,3 п.л.).

16. Семенова Н. Л. Личность и система. Выступление в ходе заочной дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 155. (0,1 п.л.).

17. Семенова Н. Л. Генерал-губернаторы и военные губернаторы как реальные начальники губерний. Выступление в ходе заочной дискуссии // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность : сводные материалы заочной дискуссии / Рос. академия наук, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Ин-та российской истории РАН. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. С. 182—183. (0,2 п.л.).

18. Семенова Н. Л. Башкиры и деятельность военных губернаторов Оренбургского края в конце XVIII — первой половине XIX в. // История народов России : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. М. Козьменко [и др.]. М. : Изд-во РУДН, 2011. С. 338—346. (0,7 п.л.).

19. Семенова Н. Л. Правовые основы деятельности губернаторов в конце XVIII — начале XIX в. // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности : сб. тр. конф. / сост. А. Д. Шипилов. Кострома : Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 282—286. (0,3 п.л.).

20. Семенова Н. Л. Провинциальное чиновничество Российской империи первой половины XIX в. (по материалам мемуаров) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII—XIX вв.) : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. С. 77—82. (0,5 п.л.).

21. Семенова Н. Л. Оренбургский гражданский губернатор Иван Онуфриевич Курис // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII — начало XX в.): персонально-биографический аспект : сб. науч. тр. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 163—172. (0,8 п.л.).

22. Семенова Н. Л. Деятельность оренбургских губернаторов по совершенствованию системы местного управления в первой половине XIX в. // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII—XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Э. Емалетдинова. Стерлитамак : БашГУ, 2014. С. 87—102. (0,9 п.л.).

23. Семенова Н. Л. Изучение проблем истории местного управления в современной отечественной историографии // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Д. А. Сафонов. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2014. С. 277—281. (0,5 п.л.)

24. Семенова Н. Л. Иосиф Львович Дебу — гражданский губернатор Оренбургской губернии // Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII — начале XX в.: региональный аспект : сб. науч. тр. / науч. ред. И. В. Маслова ; отв. ред. Н. Л. Семенова. Стерлитамак : БашГУ, 2014. С. 159—171. (0,8 п.л.)

25. Семенова Н. Л. Главные начальники Оренбургского края конца XVIII — первой половины XIX в. — участники войн Российского государства // Война и повседневная жизнь населения России XVII—XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны) : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. С. 138—144. (0,4 п.л.)

26. Семенова Н. Л. Иван Михайлович Баратаев — гражданский губернатор Оренбургской губернии // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2015. С. 133—144. (0,8 п.л.)

27. Семенова Н. Л. Вехи биографии оренбургского гражданского губернатора Карла Глазенапа по материалам делопроизводства // INSITU. 2016. № 11. С. 25—27. (0,2 п.л.)

28. Семенова Н. Л. Переезд губернских учреждений из Уфы в Оренбург в 1797 г. // Река времени : сб. статей. К 400-летию Смоленского собора Уфы. Уфа : АльфаРеклама, 2016. С. 64—70. (0,6 п.л.)

29. Семенова Н. Л. Высшая администрация Оренбургской губернии в 40-е гг. XIX в. (вице-губернатор А. А. Македонский) // Урал — Алтай: через века в будущее : материалы VII Всерос. тюркологической конф. (с междунар. участием). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 60—63. (0,3 п.л.)

30. Семенова Н. Л. Особенности процесса модернизации в России // Страны Запада и Востока: проблемы становления и модернизация политических, экономических и культурных форм развития : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2016. С. 200—203. (0,2 п.л.)

31. Семенова Н. Л. Практика отрешения от должности гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Региональная история: методология, источники, историография : сб. науч. тр. третьих Международных Усмановских чтений. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2016. С. 309—313. (0,4 п.л.)

32. Семенова Н. Л. В. А. Перовский о положении башкир в Оренбургской губернии в 40-е годы XIX в. (по материалам секретного рапорта военному министру А. И. Чернышеву) // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2016. С. 234—238. (0,5 п.л.)

33. Семенова Н. Л. Материалы делопроизводства о положении башкир Оренбургского края в середине XIX в. // Бюллетень науки и практики. 2017. № 7 (20). С. 144—148. (0,3 п.л.)

34. Семенова Н. Л. Этнический и территориальный подходы к истории Российской империи в современной историографии // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 260—265. (0,4 п.л.)

35. Семенова Н. Л. Финансовая нестабильность Российской империи в первой трети XIX века и проекты реформ Оренбургской губернии // Россия в условиях кризисов XIX—XX веков : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2017. Т. 2. С. 152—157. (0,4 п.л.).

36. Семенова Н. Л. Нормативно-правовые основы деятельности российских губернаторов при Павле I // Право и государство: история и современность, перспективы развития : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. С. Косых. Уфа : БашГУ, 2017. С. 58—62. (0,4 п.л.).

37. Семенова Н. Л. Имперский дискурс в современной историографии: А. Каппелер о взаимодействии центра и периферии дореформенной России // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2017. С. 54—63. (0,6 п.л.).

38. Семенова Н. Л. Документы личного происхождения как источник по истории российской губернаторской власти конца XVIII — первой половины XIX в. // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. М. : ТЕРМИКА.РУ, 2017. С. 202—215. (0,9 п.л.).

39. Семенова Н. Л. Этапы модернизации местного управления в Башкирии в XVIII — первой половине XIX в. // Проблемы модернизации современного российского государства : сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2018. С. 81—87. (0,6 п.л.).

40. Семенова Н. Л. Органы дворянского сословного самоуправления Оренбургской губернии в 20—30-е гг. XIX в. // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации : сб. науч. статей Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р. М. Усманова. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2018. С. 108—111. (0,5 п.л.).

41. Семенова Н. Л. Основные черты религиозной политики России в Оренбургской губернии в конце XVIII — 30-х гг. XIX в. // История федерализма в России. К 100-летию образования Автономной Башкирской Республики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. А. Мысляева. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2018. С. 312—317. (0,4 п.л.).

42. Семенова Н. Л. Хивинский поход 1839 г. в «Письмах» В. И. Даля // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX — начала XXI в. : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. П. Самородов. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2018. С. 292—297. (0,4 п.л.).

43. Семенова Н. Л. Этапы правительственной политики в Оренбургском крае в XVIII — первой трети XIX в. (по материалам всеподданнейшего отчета В. А. Перовского) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2018. С. 191—195. (0,4 п.л.).

44. Семенова Н. Л. Всеподданнейший отчет гражданского губернатора за 1843 г. о состоянии городов Оренбургской губернии // Город в контексте микро- и макроисторических процессов : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак : СФ БашГУ, 2019. С. 51—54. (0,3 п.л.).

45. Семенова Н. Л. Оренбургские военные губернаторы 1840—1850-х гг. (по материалам воспоминаний генерал-лейтенанта И. Ф. Бларамберга) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современ-

ность : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2019. С. 250—256. (0,4 п.л.).

46. Семенова Н. Л. Местное управление в Российской империи в первой половине XIX в.: проблемы современной историографии // Россия в войнах и военных конфликтах XX — начала XXI в. : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. П. Самородов. Уфа : БашГУ, 2019. С. 150—159. (0,7 п.л.).

47. Семенова Н. Л. Организация Оренбургской губернской врачебной управы в конце XVIII в. // Центр и регионы, этносоциальный аспект истории России нового времени : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Акманов. Уфа : БашГУ, 2019. С. 114—119. (0,4 п.л.).

48. Семенова Н. Л. Оренбургская палата государственных имуществ в конце 1830 — нач. 1850-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1 (72). С. 88—92. (0,4 п.л.).

49. Семенова Н. Л. «Оренбургские губернские ведомости» в информационном пространстве российской провинции в 1838—1839 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1 (72). С. 96—100. (0,3 п.л.).

50. Семенова Н. Л. Имперские практики управления национальными окраинами России в конце XVIII — первой половине XIX в. (на примере Оренбургского края) // Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Modern history: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2020. С. 54—62. (0,6 п.л.).

51. Семенова Н. Л. Ревизия судебных учреждений Оренбургской губернии в 1844 г. // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2020. Т. 2. С. 10—15. (0,4 п.л.).

52. Семенова Н. Л. Генерал-губернаторы Уфимского и Симбирского наместничеств: персонально-биографический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. № 1 (76). С. 85—88. (0,2 п.л.).